

DOI: 10.20913/2224-1841-2026-2-7
УДК 316.42

Оригинальная научная статья

Транснациональная студенческая мобильность в глобализирующемся мире

М. В. Рушенко

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: rushenko.michael@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-0509-0103*

Е. А. Печерина

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: pecerinakata4@gmail.com
ORCID: 0009-0002-8615-7094*

Аннотация. *Введение.* Транснациональная студенческая мобильность является неотъемлемой частью академической и экономической сферы, что обуславливает необходимость изучения тенденций ее развития. *Постановка задачи.* Актуальность темы обусловлена ростом транснациональной географической и цифровой студенческой мобильности в глобализирующемся мире. *Цель исследования* – выявление тенденций географической и цифровой транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования, а также выявление проблем, которые связаны с такими формами мобильности. *Методика исследования.* В статье используются статистические данные транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования института статистики ЮНЕСКО и «Project Atlas». Приводится и анализируется ряд официальных постановлений государств и конвенций между государствами в области транснационального высшего образования. Также осуществляется сравнительный анализ научных статей по теме современной транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования. *Результаты.* В период с 1975 по 2024 г. число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях за пределами своей страны, выросло с 800 тысяч до 6,9 млн человек. В настоящий момент происходит смена политической парадигмы однополярного западно-центрированного миропорядка в связи с бурным экономическим ростом ряда стран «глобального юга», что обуславливает формирование новых мировых академических центров. Массовая цифровизация, а также пандемия COVID-19 обусловили развитие высшего онлайн-образования, что усиливает тенденции транснациональной студенческой мобильности. Такие страны, как Индия и КНР являются примерами успешного создания обширной государственной цифровой инфраструктуры для реализации онлайн-обучения, а также для распространения цифровой и общеобразовательной грамотности среди своих граждан. *Выводы.* Исследование выявило истоки и современные тенденции транснациональной студенческой мобильности, а также ряд проблем как для очного, так и для цифрового высшего транснационального образования. Полученные результаты могут быть использованы для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: международная студенческая мобильность, высшее образование, онлайн образование, ASEAN, ENEA, MOOC

Для цитирования: Рушенко М. В., Печерина Е. А. Транснациональная студенческая мобильность в глобализирующемся мире // Профессиональное образование в современном мире. 2026. Т. 16, №2. С. 232–240. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2026-2-7>

DOI: 10.20913/2224-1841-2026-2-7

Full Article

Transnational student mobility in a globalizing world

Rushenko, M. V.

Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: rushenko.michael@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-0509-0103

Pecherina, E. A.

Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: pecherinakata4@gmail.com
ORCID: 0009-0002-8615-7094

Abstract. *Introduction.* Transnational student mobility is an integral part of the academic and economic spheres, which necessitates the study of its development trends. *Purpose setting.* The relevance of the topic is due to the increasing transnational geographical and digital student mobility in a globalizing world. The aim of the study is to identify trends in geographical and digital transnational student mobility in higher education, as well as to identify problems associated with these forms of mobility. *Methodology and methods of the study.* The article uses statistical data on transnational student mobility in higher education from the UNESCO Institute for Statistics and «Project Atlas». The article presents and analyzes a number of official state decrees and inter-state conventions in the field of transnational higher education. A comparative analysis of scientific articles on the topic of modern transnational student mobility in higher education is also conducted. *Results.* Between 1975 and 2024, the number of students enrolled in higher education institutions outside their home country increased from 800,000 to 6.9 million people. Currently, there is a shift in the political paradigm of a unipolar Western-centric world order due to the rapid economic growth of several «Global South» countries, which leads to the formation of new global academic centers. Mass digitalization, as well as the COVID-19 pandemic, have led to the development of online higher education, which reinforces the trends of transnational student mobility. Countries such as India and China are examples of successful creation of extensive state digital infrastructure for the implementation of online learning, as well as for the dissemination of digital and general education literacy among their citizens. *Conclusion.* The study identified the origins and current trends of transnational student mobility, as well as a number of problems for both in-person and digital transnational higher education. The results obtained can be used for making management decisions.

Keywords: international student mobility, higher education, online education, ASEAN, EHEA, MOOC

Citation: Rushenko, M. V., Pecherina, E. A. [Transnational student mobility in a globalizing world]. *Professional education in the modern world*, 2026, vol. 16, no. 2, pp. 232–240. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2026-2-7>

Введение. Причины транснациональной академической мобильности студентов, преподавателей и ученых следует искать не столько в явлении глобализации, сколько в основе самого научного метода. В 1942 г. Р. Мертон [1] вывел из научной практики и случаев негодования ученых четыре императива, которые определяют этос науки («CUDOS»):

1. Универсализм – научное знание оценивается независимо от социального статуса, пола, возраста или национальности человека;

2. Коммунизм – научное знание является достоянием всего человечества (в отличие от техники и технологии, которые разрабатываются на основе научного знания);

3. Организованный скептицизм – научные гипотезы не принимаются на веру, а отстаиваются

перед глобальным научным коллективом в рамках диспута между учёными и научными школами;

4. Бескорыстность – целью научного открытия является удовлетворение от разрешения научной проблемы.

Применение данных императивов обусловило процесс унификации языка науки, содержания и методов обучения, а также унификации академических степеней. Географическая мобильность («*eregrinatio academica*») являлась нормой как для европейских студентов, которые получали образование в одном или нескольких отдаленных от своего места жительства университетах, так и для европейских преподавателей и учёных, которые стремились дискутировать, обмениваться опытом и реализовывать свой интеллектуальный

потенциал в стенах лучших университетов [2]. Иными словами, транснациональная и географическая мобильность лежат в самой основе мобильности студентов, преподавателей и учёных.

Университеты – это добровольные самоуправляемые объединения, которые формируются в целях реализации общих интеллектуальных интересов. Как пишет Г. Рашдалл: «Такие гильдии возникли, как и другие гильдии, без какого-либо прямого разрешения короля, папы, принца или прелата. Они были спонтанными продуктами инстинкта объединения, который охватил города Европы в течение XI и XII веков» [3].

Вероятно, Неаполитанский университет (1224 г.) являлся первым в европейской истории университетом, который был целенаправленно создан для реализации нерелигиозных общественных/государственных целей. Фридрих II нуждался в лояльных его двору государственных чиновниках, не являвшихся выпускниками северо-итальянских школ и университетов, которые находились под влиянием папского престола. Итогом учреждения университета для противостояния папскому престолу стали Мельфийские конституции Сицилийского королевства 1231 г. Они были первым светским юридическим кодексом эпохи Средневековья [4].

Позднее синтез европейской мануфактуры и научного метода создает технологический продукт, который обеспечивает бизнесу высокую маржинальность, а значит, увеличивает налоговые отчисления в государственную казну (в том числе усиливает технологическую конкурентоспособность государства в различных областях на международной арене). В этой связи перед государством возникает задача обеспечить стабильное воспроизведение академического ресурса в виде студентов, преподавателей и ученых, а также обеспечить правовую, социальную и технологическую инфраструктуру для реализации академического ресурса. Принятый в 1794 г. кодекс законов Пруссии («ALR») прямо провозглашает: «Университеты являются учреждениями государства, которые намерение имеют обучить юношество полезным познаниям и наукам» [5]. Иными словами, государство начинает институализировать систему высшего образования.

В современном мире вышеприведенные государственные задачи разрешаются, например, в рамках Болонского процесса, который создает единое европейское пространство высшего образования («ЕНЕА») или в рамках ассоциации государств Юго-Восточной Азии (программы «Passage to ASEAN/P2A» в рамках «АСЕАН») [6].

Также вышеприведенные государственные задачи разрешаются за счет «мягкой силы». Правительство КНР открывает «Институты Конфуция»

вдоль логистического маршрута «Один пояс один путь» [7]. «Институты Конфуция» открываются на базе местных университетов в целях формирования положительного имиджа КНР, устранения коммуникационных барьеров посредством преподавания уроков китайского языка и китайской культуры, а также в целях организации студенческих и преподавательских стажировок.

Постановка задачи. В соответствии с текстом глобальной конвенции ЮНЕСКО трансграничное образование это «все способы получения образования, предполагающие перемещение людей, использование знаний, программ, провайдеров образовательных услуг и учебных курсов за пределами национальных границ государств-участников» [8].

По данным ЮНЕСКО общее число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях за пределами своей страны, постоянно растет. В период с 1975 по 2000 г. это число увеличилось с 800 тысяч до 2 млн, а в период с 2000 по 2019 г. – до 6 млн [9]. По данным «Project Atlas», в 2024 г. общее число иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях по всему миру, составило 6,9 млн человек [10] (рис. 1, 2).

С другой стороны, финансовые показатели мирового рынка высшего онлайн-образования демонстрируют устойчивый рост. Общемировой финансовый оборот высшего онлайн-образования достиг примерно 136,8 млрд долларов в 2025 г. Ожидается, что приведенная цифра будет ежегодно расти на 9,25% и достигнет отметки в 195 млрд долларов в 2029 г. Наибольший финансовый оборот приходится на США, Канаду, Великобританию, Японию и Австралию, которые совокупно занимают около 87% рынка высшего онлайн-образования [11]. Разделение рынка обусловлено тем, что качество и популярность программ высшего онлайн-образования неразрывно связано с качеством и популярностью очных образовательных программ.

На основе вышеизложенного мы видим устойчивый рост транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования как в очном, так и онлайн формате. Цель исследования – анализ тенденций, направлений, способов и мотивации к транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования, а также выявление ее проблем.

Методика и методология исследования. В исследовании мы проанализируем статистические данные транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования института статистики ЮНЕСКО и «Project Atlas», официальные постановления государств и конвенций между государствами в области трансграничного очного и цифрового высшего обра-

зования, а также проведем сравнительный анализ научных статей по теме современной транснаци-

ональной студенческой мобильности в области высшего образования.

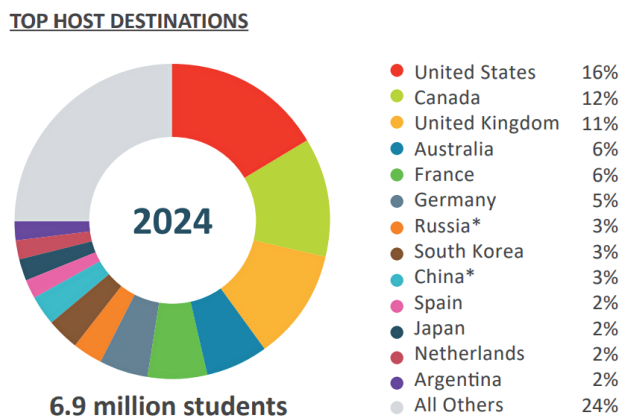

Рис. 1. Диаграмма общемирового распределения иностранных студентов в 2024 г. в процентном соотношении [10]

Fig. 1. Global distribution of international students in 2024 as a percentage [10]

INBOUND STUDENTS IN SELECT COUNTRIES

	2023 Release	2024 Release	% Change
United States	1,057,188	1,126,690	6.6%
Canada	660,230	842,760	27.6%
United Kingdom	718,085	758,855	5.7%
Australia	361,247	437,485	21.1%
France	392,630	412,100	5.0%
Germany	349,438	367,578	5.2%
Russia*	282,922	321,845	13.8%
South Korea	N/A	208,962	N/A
China*	210,903	200,892	-4.7%
Spain	135,478	149,279	10.2%
Japan	181,741	138,357	-23.9%
Netherlands	122,287	130,863	7.0%
Argentina	117,820	122,769	4.2%
Italy	132,521	109,975	-17.0%
Poland	85,897	105,404	22.7%
Mexico	53,801	62,161	15.5%
Hungary	41,730	43,137	3.4%
Sweden	39,806	41,699	4.8%
New Zealand	24,515	36,560	49.1%
Denmark	27,391	27,741	1.3%
Philippines	24,520	N/A	N/A
Chile	19,998	22,360	11.8%
Norway	24,154	18,129	-24.9%
Israel	10,029	6,303	-37.2%

Рис. 2. Количество иностранных студентов, которые получают высшее образование в различных странах за 2023–2024 гг. [10]

Fig. 2. Number of international students pursuing higher education in various countries in 2023–2024 [10]

Результаты. Транснациональная географическая студенческая мобильность в глобализирующемся мире. Транснациональную географическую студенческую мобильность первой четверти XXI в. представляется возможным разделить на четыре этапа [12].

Первый этап (1999 по 2007 г.). Западные страны являются ведущими направлениями для транснациональной студенческой мобильности. Такие страны, как США, Франция, Италия, Великобритания, Швейцария и Австрия характеризуются как страны, принимающие студентов, а КНР, Ин-

дия и Юная Корея – как страны со значительным исходящим студенческим потоком.

Второй этап (2007 по 2015 г.). Во-первых, сформирован под влиянием мирового финансово-го кризиса 2007–2008 гг. Следствием кризиса стало снижение финансирования студенческих программ для иностранных студентов. Во-вторых, характеризуется бурным экономическим ростом «глобального юга» (например, Индия и КНР).

Третий этап (2015 по 2021 г.) является следствием второго этапа. Обозначен подъемом националистических настроений. Это выразилось в референдуме по выходу Великобритании из Европейского союза («Brexit»), ужесточении миграционной политики в США («Трамизм») и успехе правонационалистических сил во многих европейских странах (скандал вокруг Центрально-европейского университета Венгрии 2017–2019 гг., приход к власти правонационалистического правительства в Австрии, Чехии и Польше) [13].

Четвертый этап (начало 2022 г.). Изменение политической парадигмы однополярного западно-центрированного миропорядка. Россия требует пересмотра архитектуры европейской безопасности и выходит из Болонской системы. Бурный экономический рост ряда стран «глобального юга» и цивилизационные модели, отличающиеся от западных, обуславливают формирование новых мировых академических центров.

По данным «World University Rankings 2026» [14], западные университеты сохраняют лидерство, но в топ-50 лучших университетов мира находятся 10 азиатских университетов¹, а 51–61 места рейтинга занимают ещё 3 азиатских университета². Причём университет «Цинхуа» (КНР) – 12 место, а «Пекинский университет» (КНР) – 13 место, тем самым приближаясь к топ-10. Таким образом, КНР, Гонконг, Малайзия и Сингапур становятся «альтернативными западным» направлениями транснациональной студенческой мобильности.

Мотивация иностранного абитуриента к транснациональной студенческой мобильности. Мотивацию к транснациональной студенческой мобильности можно разделить на сферы формального и неформального обучения.

Формальное обучение:

1. Иностранному студенту мотивировано получить качественное образование и квалификацию.

2. «Второй шанс». Если абитуриент не сумел поступить в желаемый университет собствен-

ной страны, то он совершает попытку поступить на эту же специальность в иностранный университет схожего уровня.

3. Иностранному студенту планируется остаться жить и работать в стране, в которой он получил образование.

3.1. Иностранному студенту мотивировано иммигрировать в более безопасный регион\страну из-за различных обстоятельств.

4. Иностранному студенту стремиться получить образование, чтобы поддержать социальный статус своей семьи или стремиться получить альтернативный путь к социальной мобильности по возвращению в свою страну [15].

Неформальное обучение:

1. Иностранному студенту стремиться установить неформальные социальные связи, которые при определенных условиях трансформируются в экономический капитал.

2. Обучение за границей обуславливает психологическую трансформацию, то есть расширяет мировоззрение студента, а также требует от него выйти из зоны комфорта и взять на себя ответственность [15].

Транснациональная студенческая мобильность в цифровой сфере. Массовый открытый онлайн-курс («МООС») – это обучающий курс с применением цифровых технологий, а также открытым доступом, который подразумевает неограниченное количество участников [16].

Для обучающегося преимущество онлайн-курса перед очным курсом заключается в следующих факторах:

1. Удешевление стоимости обучения.

2. Исчезает необходимость физически посещать аудитории интересующего университета.

2.1. Онлайн-курс совмещает в себе как синхронные (взаимодействие между преподавателем и учеником), так и асинхронные (контент по требованию, например, видеозапись) методы обучения, а также позволяет участвовать и просматривать многочисленные научные видеоконференции. Это преимущество позволяет работающим студентам совмещать учебу и работу с полным рабочим днем.

3. Инфраструктура ИИ позволяет в реальном времени переводить иностранную речь преподавателя в визуальном или аудиальном формате.

Для университетов преимущество онлайн-курса перед очным курсом заключается в следующих факторах:

¹ 12 место – Университет «Цинхуа» (КНР), 13 место – «Пекинский университет» (КНР), 17 место – «Национальный университет Сингапура», 26 место – «Токийский университет» (Япония), 31 место – «Технологический университет Наньян» (Сингапур), 33 место – «Гонконгский университет» (КНР), 36 место – университет «Фудань» (КНР), 39 место – «Чжэцзянский университет» (КНР), 40 место – университет «Цзяо Тун» (КНР), 41 место – «университет Гонконга» (КНР).

² 51 место – университет «Науки и технологии» (КНР), 58 место – «Гонконгский университет науки и технологии» (КНР), 61 место – «Киотский университет» (Япония).

1. Онлайн-курсы создают потенциально безграничный финансовый канал.

2. Онлайн-курсы способствуют сокращению затрат на поддержание и расширение физической инфраструктуры университета.

Таким образом, онлайн-курсы усиливают явление транснациональной студенческой мобильности, а значит, ускоряют процесс глобализации.

Крупные политические решения ряда стран по созданию цифровой инфраструктуры для обеспечения онлайн-образования. В ответ на COVID-19 Евросоюз создал план в области цифрового образования в период на 2021–2027 гг. [17]. Целью плана является содействие инклюзивному цифровому образованию, а также обеспечение устойчивости европейских систем образования в будущем. В рамках плана реализуются проект «EMBED+», который предоставляет высшим учебным заведениям Европы систематический подход к внедрению, стандартизации, оценке и совершенствованию онлайн\смешанного образования [18].

Также важно отметить успешные политические решения в сфере онлайн-образования двух бурно развивающихся стран «глобального юга», а именно: Индию и КНР. В 2015 г. правительство Индии запустило проект под названием «Цифровая Индия». Целями проекта является создание, расширение и обновление цифровой инфраструктуры в целях цифровизации экономики (например, в целях борьбы с теневой экономикой), а также в целях распространения цифровой и общеобразовательной грамотности среди граждан. В частности, правительственная платформа «e-Education» обеспечивает школы интернетом и бесплатным Wi-Fi, а «e-Basta» представляет школьные учебники в цифровом формате. Правительственная платформа «SWAYAM» представляет собой общедоступные онлайн-курсы, основанные на учебном плане в период с 9-го класса до аспирантуры, а «SIDH» представляет собой общедоступные онлайн-курсы «непрерывного образования на протяжении всей жизни»: повышение квалификации или переквалификация взрослых людей [19].

В 2020 г. КНР запустило правительственный проект под названием «Умное образование Китая». Данная инициатива объединяет более 30 онлайн-платформ, которые включают в себя более 90 тысяч онлайн-курсов, начиная от школьных курсов и заканчивая курсами высшего образования [20]. Также в 2022 г. Министерство образования КНР выпустило «Рекомендации Министерства образования по реализации реформы непрерывного образования для повышения академической квалификации в государственных высших учебных заведениях в новую эпоху» [21]. Рекомендации

содержат пункты о необходимости онлайн-обучения, а также рекомендации о необходимости совмещения самостоятельной и совместной работы. При этом «очное обучение (включая практические компоненты) должно составлять не менее 20% от общего количества учебных часов».

Проблемы транснациональной географической студенческой мобильности. Географическую студенческую мобильность традиционно сопровождает ряд проблем:

1. Жёсткие антимиграционные меры и рост ксенофобии.

2. Недоступность рынка труда для иностранного выпускника национального университета.

3. Высокая стоимость обучения.

3.1. Непроработанные кредитные программы между союзными странами;

3.2. Ограниченное число стипендиальных программ для иностранных студентов.

4. Языковой барьер.

5. Отсутствие или непроработанность программ культурной и религиозной адаптации (наличие наставников и групп поддержки для иностранных студентов).

6. Социальное неравенство. Абитуриенты из более обеспеченных и образованных семей имеют больше возможностей обучаться в иностранных университетах.

Проблемы транснациональной студенческой мобильности в цифровой сфере. Онлайн-образование является относительно новым феноменом, который требует тщательного изучения с точки зрения экономики, социологии и психологии, но уже сегодня можно выделять следующий ряд проблем:

1. Отсутствие физического присутствия преподавателя или группы ослабляет социальную взаимосвязь между всеми участниками онлайн-курса, что может обусловить чувство отчуждённости, а значит, может сформировать чувство формальности происходящего [22].

2. «Цифровая усталость» – это физическое и эмоциональное истощение из-за длительного и постоянного взаимодействия с гаджетами, а также из-за переизбытка информации.

3. Вовлеченность обучающегося в образовательный процесс может быть снижена ввиду того, что онлайн-курс предполагает возможность переключения внимания на другие источники информации.

4. Преподаватель не имеет возможности контролировать пространство вокруг обучающегося, что затрудняет проверку его фактических знаний.

5. Конкуренция между государственными и негосударственными онлайн-курсами. Обучающийся негосударственному онлайн-курсу стремятся освоить навык или специальность без полу-

чения полноценного образования, так как диплом об окончании онлайн-курса является достаточным основанием для принятия человека на работу. Подобная ситуация актуальна для сферы IT и дизайна, так как в данных сферах ключевым фактором является портфолио практических результатов соискателя. Помимо обучения конкретной специальности целью высшего образования является формирование целостной личности за счет преподавания студенту спектра гуманитарных наук. Данная цель может упускаться из фокуса негосударственных онлайн-курсов.

5.1. Существуют многочисленные примеры некачественного негосударственного онлайн-образования [23]. Таким образом, необходима государственная стандартизация материалов и процессов обучения негосударственных онлайн-курсов.

6. Цифровое неравенство. Отсутствие цифровых устройств или отсутствие коммуникаций, которые обеспечивают интернет-соединение, например, для сельского населения.

7. Усиление значимости онлайн-образования обуславливает конкуренцию между известнейшими университетами мира и региональными университетами множества государств, тем самым снижая их жизнеспособность. Иными словами, происходит конкуренция между мега-университетом и региональными университетами.

8. Сохраняется проблема доступности рынка труда для иностранного выпускника национального университета.

Выводы. Современная транснациональная студенческая мобильность в области высшего образования демонстрирует устойчивый рост как в очной, так и в онлайн-форме. Мы привели ряд успешных политических проектов как для географической,

так и для онлайн-транснациональной студенческой мобильности в области высшего образования. В области географической студенческой мобильности успешными проектами являются Болонский процесс («глобальный север») и программы «Passage to ASEAN» («глобальный юг»). Также стоит отметить политику «мягкой силы» КНР, которая выражается в массовом открытии «Институтов Конфуция». В области студенческой мобильности посредством онлайн-образования успешными проектами является «Цифровая Индия» и «Умное образование Китая».

В области географической транснациональной студенческой мобильности мы выделяем следующие основные проблемы: 1) ксенофобия; 2) отсутствие или непроработанность программ культурной и религиозной адаптации; 3) недоступность рынка труда для иностранного выпускника.

В области транснациональной студенческой мобильности посредством онлайн-образования мы выделяем следующие основные проблемы: 1) психологические особенности опосредованного техникой обучения; 2) некачественное образование негосударственных онлайн-курсов; 3) снижение роли и, следовательно, жизнеспособности региональных университетов в рамках конкуренции с транснациональным мега-университетом; 4) сохраняется проблема недоступности рынка труда для иностранного выпускника.

В «гонке за лучшие умы» университеты и правительства государств могут перенять успешные проекты как для географической, так и для цифровой транснациональной студенческой мобильности. Решение проблем очного и онлайн-образования могут стать точками роста в сфере транснациональной студенческой мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Merton R. Science and technology in a democratic order // *Journal of Legal and Political Sociology*. 1942. Vol. 1. P. 115–126.
2. Croix D., Docquier F., Fabre A., Stelter R. The Academic Market and the Rise of Universities in Medieval and Early Modern Europe (1000–1800) // *Journal of the European Economic Association*. November 2023. № 22 (5). DOI:10.1093/jeea/jvad061
3. Rashdall, Hastings. *The universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press, 1895. 533 p.
4. Воскобойников О. Фридрих II и его интеллектуальный мир. М.: АСТ, 2025. 464 с.
5. Андреев А. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М.: РОССПЭН. 2012, 671 с.
6. Hoa D. Tran, Phuong Bui L.A. Higher Education and Student Short-Term Mobility in ASEAN Countries: Current Trends and Priorities – A Case of Passage to ASEAN. *EAI Endorsed Transactions on Tourism, Technology and Intelligence*. July 2025. №2 (2). DOI:10.4108/eettti.8844
7. Сайт проекта «Один пояс один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/> (дата обращения: 03.03.2026).
8. Совет Европы 2001 года. Кодекс надлежащей практики в сфере предоставления транснационального образования. URL: <https://tm.coe.int/090000168097c674> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Институт статистики ЮНЕСКО. URL: <https://www.uis.unesco.org/en> (дата обращения: 03.03.2026).
10. Project Atals. Данные о транснациональной студенческой мобильности за 2024 год. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/> (дата обращения: 03.03.2026).
11. Günay A. Global Market Trends in Open and Distance Higher Education // *Journal of University Research*. 2025. Volume 8, Issue 4. P. 585–593.

12. Kirloskar P., Inamdar N. Shifting international student mobility directions and factors influencing students' higher education destination choices // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. 2021. №2 (3). P. 160–178. DOI: <https://dx.doi.org/10.52547/johepal.2.3.160>
13. Altbach P., De Wit H. Are we facing a fundamental challenge to higher education internationalization? // *International Higher Education*. 2018. № 93. P. 2–4.
14. Мировой рейтинг университетов за 2026 год. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking> (дата обращения: 03.03.2026).
15. Waters D., Brooks R. *Student migration and contemporary educational mobility*. Palgrave Macmillan Cham, 2021. 264 p.
16. Kaplan A., Haenlein M. Higher education and the digital revolution: About MOOCs, SPOCs, social media, and the Cookie Monster // *Business Horizons*. May 2016. № 59 (4). DOI: 10.1016/j.bushor.2016.03.008
17. План действий в Европы области цифрового образования в период с 2021–2027 год в ответ на COVID-19. URL: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/plan> (дата обращения: 03.03.2026).
18. Сайт проекта «EMBED+». URL: <https://embedplus.eu> (дата обращения: 03.03.2026)
19. Palvia S. and other. Online Education: Worldwide Status, Challenges, Trends, and Implications // *Journal of Global Information Technology Management*. 2018. № 21:4 P. 233–241. DOI: 10.1080/1097198X.2018.1542262
20. Li Y. Managing Continuing Education in the Digital Age: A Case Study of Online Programs in China // *The Development of Humanities and Social Sciences*. 2025. №1 (4). P. 93–109. DOI: <https://doi.org/10.71204/gv0jic72>
21. Рекомендации Министерства образования [КНР] по реализации реформы непрерывного образования для повышения академической квалификации в государственных высших учебных заведениях в новую эпоху. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A07/moe_743/202208/t20220816_653132.html (дата обращения: 03.03.2026).
22. Abola P. Predictors of student disengagement in fully online higher education programs // *PUPIL: International Journal of Teaching, Education and Learning*. 2026. P. 27–45. DOI: <https://doi.org/10.20319/ictel.2026.2745>
23. Кондрашов А. О., Грунт Е. В. Мнение потребителей онлайн-курсов крупных образовательных платформ // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 12. С. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.12.2>

REFERENCES

1. Merton R. Science and technology in a democratic order. *Journal of Legal and Political Sociology*, 1942, Vol. 1, pp. 115–126.
2. Croix D., Docquier F., Fabre A., Stelter R. The Academic Market and the Rise of Universities in Medieval and Early Modern Europe (1000–1800). *Journal of the European Economic Association*, November 2023, no. 22 (5). DOI:10.1093/jeea/jvad061
3. Rashdall Hastings. *The universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press, 1895, 533 p.
4. Voskoboynikov O. Friedrich II and his intellectual world. Moscow, AST, 2025. 464 p. (In Russ.).
5. Andreev A. *University in the Russian Empire of the 18th – first half of the 19th century*. Ed. by A. Yu. Andreev and S. I. Posokhov. Moscow: ROSSPEN, 2012, 671 p. (In Russ.).
6. Hoa D. Tran, Phuong Bui L. A. Higher Education and Student Short-Term Mobility in ASEAN Countries: Current Trends and Priorities – A Case of Passage to ASEAN. *EAI Endorsed Transactions on Tourism, Technology and Intelligence*, July 2025, no. 2 (2). DOI:10.4108/eettti.8844
7. *One Belt, One Road Project Website*. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/> (accessed 03.03.2026).
8. *Council of Europe. 2001. Code of Good Practice in Transnational Education Provision*. URL: <https://rm.coe.int/090000168097c674> (accessed 03.03.2026).
9. UNESCO Institute for Statistics. URL: <https://www.uis.unesco.org/en> (Accessed: 03.03.2026)
10. *Project Atlas. Transnational Student Mobility Data for 2024*. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/> (accessed 03.03.2026).
11. Günay A. Global Market Trends in Open and Distance Higher Education. *Journal of University Research*, 2025, volume 8, Issue 4, pp. 585–593.
12. Kirloskar P., Inamdar N. Shifting international student mobility directions and factors influencing students' higher education destination choices. *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*, 2021, no. 2 (3), pp. 160–178. DOI: <https://dx.doi.org/10.52547/johepal.2.3.160>
13. Altbach P., De Wit H. Are we facing a fundamental challenge to higher education internationalization? *International Higher Education*, 2018, no. 93, pp. 2–4.
14. *World University Rankings 2026*. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking> (accessed 03.03.2026).
15. Waters D., Brooks R. *Student migration and contemporary educational mobility*. Palgrave Macmillan Cham, 2021, 264 pp.
16. Kaplan A., Haenlein M. Higher education and the digital revolution: About MOOCs, SPOCs, social media, and the Cookie Monster. *Business Horizons*, May 2016, no. 59 (4). DOI: 10.1016/j.bushor.2016.03.008

17. *European Digital Education Action Plan 2021–2027 in Response to COVID-19*. URL: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/plan> (accessed 03.03.2026).
18. *EMBED+ Project Website*. URL: <https://embedplus.eu> (accessed 03.03.2026).
19. Palvia S. and other. Online Education: Worldwide Status, Challenges, Trends, and Implications. *Journal of Global Information Technology Management*, 2018, no. 21:4, pp. 233–241. DOI: 10.1080/1097198X.2018.1542262
20. Li Y. Managing Continuing Education in the Digital Age: A Case Study of Online Programs in China. *The Development of Humanities and Social Sciences*, 2025, no. 1 (4), pp. 93–109. DOI: <https://doi.org/10.71204/gv0jjc72>
21. Recommendations of the Ministry of Education [China] on the Implementation of the Continuous Education Reform for Improving Academic Qualifications in Public Higher Education Institutions in the New Era. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A07/moe_743/202208/t20220816_653132.html (accessed 03.03.2026).
22. Abola P. Predictors of student disengagement in fully online higher education programs. *PUPIL: International Journal of Teaching, Education and Learning*, 2026, pp. 27–45. DOI: <https://doi.org/10.20319/ictel.2026.2745>
23. Kondrashov A. O., Grunt E. V. Opinion of consumers of online courses of large educational platforms. *Theory and practice of social development*, 2025, no. 12, pp. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2025.12.2>. (In Russ.)

Информация об авторах

Рушенко Михаил Валерьевич – аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56, e-mail: rushenko.michael@yandex.ru). ORCID: 0009-0000-0509-0103

Печерина Екатерина Андреевна – аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56, e-mail: pecerinakata4@gmail.com). ORCID: 0009-0002-8615-7094

Статья поступила в редакцию 12.03.2026

После доработки 27.04.2026

Принята к публикации 30.04.2026

Information about the authors

Mikhail V. Rushenko – postgraduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation, e-mail: rushenko.michael@yandex.ru). ORCID: 0009-0000-0509-0103

Ekaterina P. Andreevna – postgraduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management (56 Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation, e-mail: pecerinakata4@gmail.com). ORCID: 0009-0002-8615-7094

The paper was submitted 12.03.2026

Received after reworking 27.04.2026

Accepted for publication 30.04.2026